

Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

ТРИ ДОГАДКИ О СТИХАХ
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2008

ББК 81.031
У 77

Успенский Ф. Б.

У 77 Три догадки о стихах Осипа Мандельштама. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 112 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 978-5-9551-0247-4

В основу этой книги легли три очерка о поэзии О. Мандельштама 30-х годов, в каждом из которых предпринимается попытка все-сторонне прокомментировать некую отдельно взятую деталь поэтического текста. Заглавный очерк посвящен рассмотрению одной лексемы, ставшей предметом полушуточного обыгрывания в стихотворении «Дайте Тютчеву стрекóзу...», во втором очерке выявляются литературные параллели и ассоциации, скрывающиеся за определенным образом из стихотворения «Возможна ли женщине мертвой хвала?..», и, наконец, в последнем очерке анализируется конкретный прием, характерный для поэтики позднего Мандельштама.

Исследование рассчитано на историков русского литературного языка, историков литературы и филологов широкого профиля.

ББК 81.031

*В оформлении обложки использован
рисунок с натуры гр. Федора Толстого 1822 года*

Федор Борисович Успенский

ТРИ ДОГАДКИ О СТИХАХ
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева. Корректор М. Григорян

Оригинал-макет подготовлен О. Гришиной

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 14.06.2008. Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 4,76. Тираж 1000. Заказ №

Изд-во «Языки славянской культуры». ОГРН 1037739118449.

Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0247-4

© Успенский Ф. Б., 2008

© Языки славянской культуры,
оригинал-макет, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

<i>От автора</i>	7
Habent sua fata libellulae	
(«Дайте Тютчеву стрекозу...»)	9
Басни, оды и трактаты	12
Долгое эхо стрекозы	28
Возвращаясь к Мандельштаму	36
Замер(з)шие звуки	
(«Возможна ли женщине мертвой хвала...»)	73
Поэтика грамматики	
(«Бежит волна волной волне хребет ломая...»)	88
<i>Сокращения и цитируемая литература</i>	104

От автора

Вынесенное нами в заглавие слово «догадка» не должно смущать тех, кто открыл эту книгу, — оно призвано всего лишь охарактеризовать некую внезапную вспышку, которая позволяет увидеть заново, порой под совершенно неожиданным углом зрения, давно знакомые, много раз повторенные и подробно откомментированные строки Осипа Мандельштама. Природа и механизм этого явления, на мгновение превращающего читателя в исследователя, достаточно сложны сами по себе, однако более или менее очевидно, что своим возникновением оно зачастую обязано процессу «медленного чтения». Именно поэтому каждая из предложенных ниже глав посвящена анализу отдельной строки или отдельного образа — читатель приглашается пройти путем Гулливера, исследующего шаг за шагом ладонь держащего его великана.

Разумеется, самый жанр догадок неизбежно связан с чем-то сугубо интуитивным и субъективным. Отстаивая свое прочтение каждой из поразивших наше воображение строк, мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что поэтическое событие, подобно событию историческому, очень редко бывает вызвано одной-единственной причиной и отнюдь не всегда можно дать ему одно-единственное истолкование. Презумпция такого многообразия особенно важна, если имеешь дело с поэтическим наследием Осипа Мандельштама, комментирование которого неизбежно напоминает восстановление палимпсеста с неустановленным количеством слоев. Однако какой бы то ни было плюрализм интерпретаций и индивидуализация прочтений, на наш взгляд, никак не отменяют вопроса о правильности и доказательности той или иной трактовки — мы попытались, соответственно, не пряча исходной субъективности, заключить ее в каждом случае в по возможности прочную скорлупу аргументов, доступных объективной проверке.

* * *

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить тех, кто словом и/или делом способствовал завершению данной работы: М. В. Безродного, Н. А. Ганину, М. А. Гистер, В. М. Живова, О. А. Лекманова, И. Е. Лошилова, Н. Н. Мазур, И. А. Малышеву, Д. Михееву, А. Л. Осповата, Л. И. Соболева, О. А. Смирницкую, Е. Сошкина, Б. А. Успенского, П. Ф. Успенского, А. А. Фаустова, Ю. Л. Фрейдина, Д. Д. Хазанкина.

Эта книга едва ли была бы написана без деятельного участия А. Ф. Литвиной.

~ ~ ~

HABENT SUA FATA LIBELLULAE («Дайте Тютчеву стреко́зу...»)

Тигры воют на поляне,
Стрекоза гремит, как гром, —
Это русские древляне
Заколачивают дом.

Н. М. Олейников, «Пучина страстей»

Написанное в 1932 г. стихотворение О. Мандельштама «Дайте Тютчеву стреко́зу...» принадлежит к числу явных поэтических загадок, когда автор бросает прямой вызов читателю, подчеркивая криптографичность своих строк. Вызов мы обнаруживаем уже в начале стихотворения, и именно две первые строчки этого текста и будут интересовать нас в дальнейшем¹:

*Дайте Тютчеву стреко́зу —
Догадайтесь, почему.*

Веневитинову — розу,
Ну а перстень — никому.

Баратынского подошвы
Раздражают прах веков.
У него без всякой прошвы
Наволочки облаков.

А еще над нами волен
Лермонтов — мучитель наш,
И всегда одышкой болен
Фета жирный карандаш².

«Догадаться» пытаются уже несколько поколений читателей и исследователей. Загадка Мандельштама оказалась неразрешимой даже для самого первого и вдумчивого из них — Надежда Яковлевна Мандельштам не только не нашла ответа, но и вовсе не заметила никакой тютчевской стрекозы, сочтя, что поэт мог попросту перепутать строчки из Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого³.

Лишь несколько позднее было установлено, что у Ф. И. Тютчева все же есть одно-единственное стихотворение, 1835 г. (публикация в 1836 г.), в котором стрекоза упомянута:

В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы⁴.

Это указание, будучи совершенно точным и необходимым для понимания текста Мандельштама, не является, однако, достаточным. В самом деле, почему поэт XX в. счел нужным преподнести поэту века XIX объект, столь редко упоминаемый в стихах последнего, и, с другой стороны, — может ли в самом слове *стрекоза* заключаться загадка, имеющая более или менее однозначный ответ, до которого должен был бы додуматься читатель?

В поисках этого ответа была собрана целая коллекция стихотворений, созданных с середины XVIII до конца XX в., где так или иначе упоминаются стрекозы, выявлены многочисленные подтексты и ассоциативные ряды, связанные со «стрекозой» темой в русской поэзии⁵. Тем не менее, бóльшая часть предложенных сближений важна скорее для понимания всего строя поэтической образности Мандельштама или Тютчева, но едва ли служит ответом на прямой вызов поэта — «Догадайтесь, почему». Загадка, заданная в первых строках стихотворения, требует, на наш взгляд, не только многоуровневой интерпретации, но и однозначной отгадки.

Кажется, такой ответ все-таки существует, и возможно, он не так уж сложен, что и помешало (как это нередко бывает с разрешением определенного типа загадок) до него добраться сразу. Дело в том, что Н. Я. Мандельштам, парадоксальным образом, была права: в каком-то смысле у Тютчева стрекозы действительно нет, хотя соответствующая лексема присутствует. Иными словами, Осип Мандельштам предлагает дать Тютчеву отсутствующее означаемое к имеющемуся означающему. В чем же тут дело,

почему поэт действует как художник Магритт, подписавший под изображением курительной трубки знаменитое «Это не трубка»?

Чуть более пристальный взгляд на строки Тютчева — «Жарче роз благоуханье, / Звонче <Резче> голос стрекозы» — позволяет заметить несообразность, которая при первом прочтении воспринимается как нечто вполне нейтральное и естественное. Наблюдая за стрекозами или читая о стрекозе *libellula* в учебнике, любой человек может убедиться, что они почти бесшумны, во всяком случае, у них нет никаких специальных приспособлений ни для воспроизведения звука, ни для его тонкого различения. Даже их крылья обладают специальными стабилизаторами, чтобы как можно меньше вибрировать в полете.

Внимательный наблюдатель может, разумеется, уловить некий акустический эффект при приземлении особенно крупной стрекозы или даже ощутить некоторое слабое звучание ее крыльев, однако к чему стрекоза решительно не способна, так это к производству звуков меняющейся тональности, звонкости или резкости. Таким образом, сколь ни было бы метафорично слово *голос* у Тютчева, но к стрекозам такая метафора приложима куда меньше, чем ко многим другим насекомым. То есть, говоря попросту, никакого «звонкого» или «резкого» голоса у них нет и быть не может.

Хотел ли Мандельштам посмеяться над Тютчевым и уличить его в незнании родной природы, как Пушкин в свое время высмеял строку графа Хвостова, назвав его «отцом зубастых голубей»?⁶ Разумеется, нет. Скорее поэт здесь одной строкой обнажает некоторую проблему в истории русского литературного языка.

Нельзя забывать, что весь наш полушуточный текст написан ровно тогда же, что и вполне серьезные стихи — «К немецкой речи» и «Стихи о русской поэзии». Некой фундаментальной общей темой этих трех произведений является история русской поэзии и, не в меньшей степени, феноменология поэтического языка. Стоит ли удивляться поэтому, что задача, которую поэт задает читателю, является не только литературоведческой, но и, так сказать, лингвистической.

Дело в том, что фактически в русском языке Нового времени под одним именем живут два существа, которые то отдаляясь, то сближаясь, до сих пор не смогли слиться друг с другом полностью. Условно их можно назвать стрекоза₁, стрекоза энтомологическая, и стрекоза₂, стрекоза литературная. Обе они родом из XVIII века, и со временем одна из них, стрекоза₁, намного опережает свою соперницу, хотя и стрекоза₂ все еще вершит свой полет.

БАСНИ, ОДЫ И ТРАКТАТЫ*

Один из них Эйлер, а другой большого света стрекоза, расчесанный в кудри и ароматы умашенный щеголь.

*А. Н. Радищев,
«О человеке, о его смертности и бессмертии», Кн. III*

Иную ж ветрену, лениву, глупу тварь,
Усеял коею вселенну неба Царь,
Как-то: коровок божьих,
козявок, мотыльков
Стрекоз и червячков,
... Как чтет Зевес в ничто;
То миновать их должно.

Г. Р. Державин, «Выбор министра»

Ты вся, ты вся такая сборная
Стрекозка...

Игорь Северянин, «И пост, и пир»

Стрекоза₂ — существо в высшей степени причудливое. Она была порождена не силами природы, а поэтической традицией, что и определило некогда ее облик и повадки. Наиболее известное место ее обитания — это хрестоматий-

---

* В работе над данным разделом были использованы материалы картотеки Словаря русского языка XVIII в., хранящиеся в словарном отделе Института лингвистических исследований РАН (Санкт Петербург), и материалы картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв., хранящиеся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова (Москва). Автор благодарен сотрудникам этих отделов за помощь.

ная басня И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», относящаяся к 1808 г.⁷ Прежде всего бросается в глаза всеми многократно отмеченное несоответствие заглавия русской басни и ее французского прототипа — басни Лафонтена «La Cigale et la Fourmi» («Цикада и Муравей»)⁸. Такое несовпадение вряд ли может быть объяснено личным выбором русского Эзопа — к тому времени уже существовала своего рода литературная привычка называть героиню Лафонтеновой басни *стрекозой*. Это именование фигурирует в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в.: в притче Сумарокова «Стреказе»⁹, в басне Хемницера¹⁰ и, например, в стихотворении «Стрекоза» Нелединско-го-Мелецкого¹¹.

У Крылова (да и у всех перечисленных баснописцев) к стрекозе применяются эпитеты, которые никак к ней не приложимы с точки зрения биолога. В первой же строчке, как мы помним, она именуется *попрыгуньей*, тогда как прыгать она не может и все лето проводит в мягкой мураве, что стрекозам, кажется, также противопоказано. Кроме того, главный упрек, который выдвигает ей трудолюбивый муравей, заключается в том, что она слишком много пела. Стрекоза по своим морфологическим характеристикам совершенно не способна петь, сидя в траве. Как уже говорилось, весьма слабые звуки, производимые иногда ее крыльями, вообще едва ли можно, не прибегая к крайней акустической гиперболе, назвать пением.

Все эти погрешности легко объяснимы, если помнить о том, что в Лафонтеновой басне фигурировала цикада, которая может прыгать, подолгу сидеть в траве и считается лучшим певцом среди насекомых. Однако в русском языке не было своего обозначения для цикады. Прежде всего это объяснялось тем, что большинство цикад обитает южнее средней полосы, хотя некоторые ее виды (например, *cicadetta montana*) заходят довольно далеко на север.

Но все же почему стрекоза? Ведь все басенные характеристики цикады легко приложимы, например, к кузнечикам, сверчкам и кобылкам. Хотя по своим певческим данным они и уступают цикаде, многие из видов этих насекомых способны производить и повторять по несколько достаточно разнообразных песен, звучащих по-разному,

в зависимости от погоды, времени суток и т. д. Как и цикады, кузнечики обладают тонким слухом и прекрасно различают напевы своих собратьев, чего никак нельзя сказать о полюбившейся русским баснописцам стрекозе.

Обыкновенно, если речь идет о Крылове, это несоответствие объясняют тем, что в его времена *стрекозой* попросту именовался не кто иной, как кузнечик¹². Между тем такое объяснение, не будучи целиком ошибочным, отнюдь не является верным. Речь идет не о механической подмене одного названия другим, а о некотором куда более сложном распределении значений целой группы слов.

Прежде всего, выбор переводчика в пользу той или иной «насекомой» лексемы в XVIII — начале XIX в. во многом определялся поэтическим жанром или даже поэтической традицией переложения конкретного классического образца. В басне на месте французского *la cigale* или греческого *tettix* ‘цикада’ безоговорочно господствует стрекоза, тогда как в оде царит кузнечик. Так, М. В. Ломоносов, знавший слово *стрекоза* и употреблявший его в «Материалах российской грамматики»¹³ или в «Первых основаниях металлургии»¹⁴, для своего знаменитого переложения анакреонтической оды «К цикаде» в 1761 г. избрал лексему *кузнечик*, начав его словами «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...»¹⁵, и задал тем самым устойчивый образец для будущих переводчиков этой оды. *Кузнечик* сохраняется в переводах Н. А. Львова «Счастлив, счастлив ты кузнечик...» («На кузнечика», 1794 г.)¹⁶, Н. И. Гнедича «О счастливце, о кузнечик...» («Из Анакреона», 1822 г.)¹⁷ и Г. Р. Державина. В 1802 г. Державин, в частности, называет его «песнопевец тепла лета / Аполлона нежный сын»¹⁸, тогда как в другом стихотворении, «На приобретение Крыма» 1784 г., отчасти сходные функции присваиваются им стрекозе именно потому, что речь здесь идет о басне:

Осклабясь Пифагор дивится,
 Что мнение его сбылося,
 Что зрит он преселенье душ:
 Гомер из стрекозы исходит,
 И громогласным, сладким пеньем
 Не баснь, но истину поет¹⁹.

Можно было бы говорить о тенденции соотносить греческое *tettix* с кузнечиком²⁰, а французское *la cigale* — со стрекозой, однако, на наш взгляд, в данном случае жанровый вектор гораздо мощнее языкового.

Но и самый жанр определяет здесь отнюдь не все. Так, в басне В. А. Озерова, созданной в 1797 г., как и прочие, по образцу Лафонтеновой «*La Cigale et la Fourmi*», мы находим, вопреки жанровому принципу, вовсе не стрекозу, а кузнечика: «Кузнечик ветренный, про стужу позабыв, / Все красны дни пропел среди веселых нив»²¹. В басенном тексте М. Н. Муравьева стрекоза и кузнечик появляются как антагонисты²².

Замечание. Кстати, воспользуемся случаем и исправим одну исследовательскую неточность, связанную с этим произведением.

Вообще говоря, басня Муравьева была написана в 1773 г., что дало основание исследователям считать ее первым русским переложением Лафонтеновой «Цикады и Муравья». Так полагал и В. Н. Топоров, отмечая, впрочем, что Муравьев очень далеко отклоняется от французского образца²³. По-видимому, исследователей завораживало то обстоятельство, что автор по фамилии Муравьев перелагает басню о жизни своего добродетельного тезки муравья. На самом деле никакого муравья в стихотворении Муравьева нет, и это не случайно — он использует другой, несколько менее популярный басенный сюжет. Его можно найти, например, в «Жизнеописании Эзопа» (гл. 99, редакции W и G), где рассказывается о том, как Эзоп, желая сохранить себе жизнь при дворе царя Креза, произносит басню о крестьянине, который вынужден был ловить и есть саранчу (*akris*) и поймал среди этих насекомых и цикаду (*tettix*). Она же взмолилась о том, чтобы крестьянин сохранил ей жизнь, потому что она не вредила людям и не портила их урожай, как это делает саранча, но лишь услаждала их слух пением. Именно этот сюжет о невинной стрекозе-цикаде и зловредных кузнечиках-саранче достаточно точно и излагает в басне М. Н. Муравьев.

Что же касается знаменитой истории о стрекозе и муравье, то ее первые переводы — правда, не по Лафонтену — были созданы, как известно, задолго до рождения

баснописца Муравьева²⁴. Так, этот сюжет присутствует в переводе Ф. Гозвинского «Притчей, или баснословия, Езопа Фриги», появившемся в 1607 г. и разошедшемся впоследствии в нескольких редакциях и множестве списков. Есть он и в «Зрелище жития человеческого» в переводе Винниуса. В многочисленных рукописных списках этого сочинения, относящихся ко второй половине XVII — первой трети XVIII столетия, изложение Эзопова сюжета начинается следующим образом:

Прииде в зиму сверчок ко мравию и рече: «Се нынѣ наста время зимы, аз же не имат что ясти, зане в лете питахся различными овощми. Дадите мне от жите вашего да голодом не погибну²⁵».

Точно такое же именование героев басни сохраняется и в печатном издании этого текста, вышедшем в 1712 г. Наша басня оказалась включенной и в число тех семнадцати басен Эзопа, которые послужили приложением к «Краткому и полезному руководению во арифметику» — книге И. Копиевского, вышедшей в 1699 г. весьма небольшим тиражом в Амстердаме. Здесь к трудолюбивым муравьям обращается коник:

Зимою егда пшеница согревалась мурашки студили.
Коник же алчныи проси мурашек да ему дадут нечто ѿ пшеницы ясти²⁶.

Из совокупности всех этих ранних переложений басенного сюжета на гибридный церковнославянский достаточно ясно видно, что стрекоза — это элемент литературной традиции, принадлежащий совершенно определенному, позднему, времени. Иными словами, в XVII — первой трети XVIII в. басня на русской почве уже есть, а никакой стрекозы в ней еще нет. В этот ранний период собеседник муравья именуется *сверчком* или *коником*, причем в одной из распространенных редакций перевода Гозвинского дается пояснение: «о конике, сиречь о кузнечике, и о муравле»²⁷. Пояснение это совершенно верное — сверчок, коник и кузнечик состоят в близком родстве друг с другом, и все они

способны петь и прыгать. Стрекоза же займет эту басенную нишу «заместителя цикады» лишь в поэтическом языке второй половины XVIII в.

Если отвлечься от жанра басни, то можно утверждать, что точно такая же ситуация имела место и во всевозможных эмблематических толкованиях. В знаменитой книге Максимовича-Амбодика «Эмблемы и символы» (Амстердам, 1705 г.; Петербург, 1721 г.); которая в XVIII и в начале XIX в. была любимым развлечением во множестве дворянских семей, мы находим следующие строки:

Сверчок, кузнечик или коник полевой значит негодного стихотворца, вряля, и Аполлона²⁸.

Никаких стрекоз в этом словаре эмблем и символов нет и в помине. В последней же трети XVIII в., когда ректор московской Славяно-греко-латинской академии Аполлос Байбаков составляет свое руководство по поэтике «Правила пиитические о стихотворении российском и латинском...», он в полном соответствии с духом времени среди животных, посвященных Аполлону, называет уже не кузнечика, сверчка или коника, а стрекозу²⁹.

Подводя некоторый предварительный итог, можно сказать, что со второй половины XVIII в. в языке русской поэзии слова *кузнечик* и *стрекоза* имеют довольно близкий, но при этом крайне расплывчатый и достаточно фантастический денотат, более напоминающий того, кто в современном языке именуется *кузнечиком*, но отнюдь не тождественный ему. Ломоносов еще заботился о том, чтобы его маленький поэтический герой обладал некоторым целостным естественнонаучным обликом. За пределами же его творчества это соответствие некоторое время было совершенно нерелевантным. Если мы посмотрим на стрекоз и кузнечиков во всем творчестве Державина, например, то обнаружим, что это некое обобщенное насекомое, которое может докучать лирическому герою, залетать в окно, светиться в темноте и непременно умеет петь. Концентрированный образ такой стрекозы можно видеть, например, в поэтических переводах ученика Ломоносова Николая Поповского (1754 г.):

... в твою ли стрекоза удобность то творит,
что скачет на полях, летает и журчит.
Нет, радость внутрення и голос к воспеванью
и крыла нудит в ней ко быстрому летанью³⁰.

Такова стрекоза₂. Ее фантомная наружность в литературной традиции, любопытная сама по себе, приобретает, однако, совершенно особый интерес на фоне стрекозы₁, которая в те же 70-е годы XVIII столетия также активно размножается, но в другом регистре литературного языка. Строго говоря, стрекоза₁ даже старше своей литературной сестры и встречается уже в переводной «Книге мирозрения» Якова Брюса 1717 г., отмечающей «их чудесную природу, егда из червеи крыласты становятца»³¹. Однако именно в последней трети века происходит ее массовый вылет.

Если мы обратимся к русским переводам знаменитого естественнонаучного сочинения «Путешествия по Российской империи» академика Палласа, то найдем здесь не только прямое упоминание стрекозы, кузнечика, коника, цикады и саранчи³², но и весьма подробные и дифференцирующие их характеристики. Здесь описания кузнечика или стрекозы, в сущности, ни в чем не противоречат представлениям биолога XX в., отличаясь от них лишь постольку, поскольку со времен Карла Линнея, на которого Паллас опирается в первую очередь, изменилась энтомологическая классификация в целом. Разумеется, Паллас никогда не путает, а точнее, не отождествляет, к примеру, стрекозу и кузнечика или стрекозу и цикаду, отмечая при этом родство сверчка, кузнечика и саранчи.

Так, например, 12 мая 1769 г. он наблюдает, как при реке Усе «летали стрекозы особливого рода»³³, и делает к соответствующей записи примечание «зри в прибавлении параграф 5б». В Прибавлении, своеобразном каталоге животных и растений, привлечших внимание академика, объясняется, к какому виду относится эта «стрекоза особливого рода»:

Крылоногий коромысл (*Libella pennipes*). Видом и величиною подобен Коромыслу, именуемому Девочке (*Libella puella*). Грудь повясчитая подобно как и оной.

На голове примечается повязка и между глазами поперешная полоска; в протчем стан покрывает цвет самой белой, переменяющийся едва приметно красноватым, а иногда лазоревым цветом. По нижней части брюха идет вдоль черныя линеечки, которыя у иных бывает тройная; подобным образом проведена и по верхней, которая прерывается различно. На лядвях видны две линеечки, и с обеих сторон каемка; берца широкия, облагающиеся перьям подобною опушью, белья с черным, тонким и долгим ребром. Крылья прозрачны с темножелтым при конце пятнышком. Около Волги и Самары рек повсюду примечается³⁴.

Эти описания столь значимы для нас потому, что именно Петр Симон Паллас из всех путешественников и составителей научных словарей XVIII в. оказался, по-видимому, наиболее авторитетным в области русской естественнонаучной терминологии. Чуть позже первое (1789—1794 гг.) и второе (1806—1822 гг.) издание Словаря Академии Российской, следуя духу линнеевской школы описаний, характеризует стрекозу следующим образом:

Стрекоза́... *Libellula*. Насекомое, принадлежащее к отделению Сетчатокрылых (*Neuropotera*. Linn.) снабженное четырью сетчатыми крыльями, роговыми челюстями с зубами, двумя кусательными остриями и трехраздельною кожною губою, усиками ниткообразными, короче передняго тела, тремя побочными, кроме сетчатых, глазами; самец же имеет на хвосте клешневидные крюечки. Стрекозы в конце лета кладут продолговатая яички в воду, из них выходят шестиногия личинки, питающиеся другими водяными насекомыми и по спущении с себя трех кож следующею весной выходят совершенными сухопутными четверокрылыми насекомыми³⁵.

В словаре имеется также встречающаяся у Палласа лексема *коромысло* или *коромысел*, однако особой статьи для нее не отведено, она отождествляется со стрекозой, что соответствует как линнеевской, так и современной классификации, где слово *коромысло* используется для обозначения одной из разновидностей стрекоз. Отдельная статья посвящена кузнечику (*Gryllus*)³⁶, сверчку (*Gryllus domesticus*)³⁷,